

Лекція и Lectio.

(Вмѣсто предисловія къ издаваемому курсу лекцій)

Хотя *лобѣца* и означает „твореніе“, однако законно вознедоумѣть, если кто станетъ любое твореніе безразлично называть поэмою. Но есть особый родъ словесныхъ произведеній, до такой степени лишившихся опредѣленности, что природу его почти отождествляютъ съ этимологическимъ значеніемъ его названія. Это, именно, — лекція. Справедливо, что *lectio*—чтеніе. Но, пользуясь этимъ лингвистическимъ предлогомъ, нерѣдко примѣняютъ названіе „лекція“ ко всякому произведенію слова, будь то ученая диссертация, журнальная статья или газетный фельетонъ, разъ только оно прочитано (или сказано) предъ аудиторіей; при этомъ, однако, не считаются съ тѣмъ, что хотя наименованіе „лекція“ и произошло отъ *lectio*, но сама она вовсе не равна послѣдней. Понятія эти—со-подчиненны: съ одной стороны, не всякая *lectio* есть лекція, а, съ другой,—не всякая лекція должна читаться предъ слушателями, т. е. быть *lectio*, потому что лекціи могутъ выходить въ свѣтъ и прямо въ печатномъ видѣ.

Можетъ показаться, что эти соображенія черезчуръ школьны, и что все дѣло—въ споръ о названіи. Да; но изъ за неотчетливости слово-употребленія самый родъ словесныхъ произведеній, которымъ законно могло бы быть приписано названіе „лекцій“, теряетъ свой своеобразный обликъ; туманность имени мѣшаетъ отчетливо сознать тѣ требованія, которыя предъявляются къ лекціи со стороны формы ея, и лекція, незамѣтно для автора, смѣшивается съ другими родами словесности.

Приступая къ печатанію ряда очерковъ,—къ кругу лекцій,

имѣющихъ задачею обслѣдовать то сочлененіе античной мысли, гдѣ эллинская философія органически прикрѣпляется къ эллинской религіи,—эпоху эллинскаго Возрожденія VI-го вѣка—, авторъ считаетъ нелишнимъ указать нѣкоторыя черты, опредѣляющія природу лекціи вообще.

Итакъ, что же такое „лекція“?—Это, прежде всего,—особый родъ словесныхъ произведеній дидактическаго, т. е. учебнаго (—не ученаго—) характера. Но вѣдь учебникъ, хотя бы его читали съ кафедръ, не станетъ отъ того ни лекціей, ни курсомъ лекцій. Отношеніе учебника къ курсу лекцій можно приравнять съ отношеніемъ механизма къ организму. Въ то время какъ первые члены этой пропорціи построены по заранѣе разработанному плану, обдуманному до мельчайшихъ подробностей и внѣшнему для осуществляющаго этотъ планъ матеріала, и потому именно въ совершенствѣ („съ точностью механизма“) выполняютъ свое назначеніе,—правда, въ заранѣе очерченномъ кругѣ и, при томъ, незначительнаго діаметра—, вторые члены пропорціи характеризуются непринужденностью и свободою своего построенія и именно поэтому имѣютъ много-образное, заранѣе не предопредѣлимое функціонированіе, но за то не способны къ совершенной отчетливости своихъ дѣйствій („живой человѣкъ,—не машина“); ихъ ростъ есть творчество, являющее себя въ каждой подробности ихъ структуры, тогда какъ учебникъ и механизмъ, собственно говоря, даже не растутъ, а лишь бываютъ складываемы, составляемы изъ заранѣе изготовленныхъ частей. Напротивъ, при строгой выдержанности общаго направленія, общаго теченія, общаго плана мысли, въ курсѣ лекцій она, однако, не идетъ прямолинейно, вся цѣликомъ укладываясь въ ту или иную рациональную формулу, но, подобно живому существу, выращиваетъ свои органы, руководствуясь каждый разъ выясняющимися въ самомъ ходѣ работы требованіями. Въ этомъ смыслѣ не неумѣстно было бы назвать идеальную лекцію родомъ собесѣдованія, родомъ бесѣды въ средѣ духовно-близкихъ другъ къ другу лицъ. Лекція—это не проѣздъ въ электрическомъ трамваѣ, неуклонно влекущемъ насъ впередъ по заранѣе настланнѣмъ рельсамъ и доставляющимъ скорѣйшимъ образомъ къ цѣли, а прогулка пѣшкомъ, экскурсія,—правда съ опредѣленнымъ конечнымъ пунктомъ, или, скорѣе, съ опредѣленнымъ общимъ

направленіемъ пути, но безъ предъявляемаго требованія придти и только придти къ нему, и, при томъ, по опредѣленной дорогѣ. Для гуляющаго важно идти, а не только придти, и онъ идетъ себѣ не утороженнымъ шагомъ. Заинтересовавшись какимъ-нибудь камнемъ, деревомъ или бабочкой, онъ останавливается, чтобы разсмотрѣть ихъ ближе и внимательнѣе. Иногда онъ оглядывается назадъ, созерцая пейзажи, или (—случается и такъ!—) возвращается на пройденный путь, вспомнивъ, что недосмотрѣлъ что-нибудь поучительное. Боковыя дорожки, даже полное бездорожье чащѣ маячатъ его своею романтическою таинственностью. Однимъ словомъ, онъ гуляетъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и пожить созерцаніемъ, а не для того, чтобы возможно скорѣе достигнуть, запыхавшись и запылившись, намѣченнаго конца путешествія.

Такъ и существо лекціи — непосредственная научная жизнь, совмѣстное со слушателями размышленіе о предметахъ науки, а не изнесеніе изъ запасовъ кабинетной учености готовыхъ, отлившихся въ стереотипную формулу выводовъ.

Лекція—это посвященіе слушателей въ процессъ научной работы, приобщеніе ихъ къ научному творчеству, роль нагляднаго и даже экспериментальнаго наученія методамъ работы, а не одна только передача „истинъ“ науки въ ея „настоящемъ“, въ ея „современномъ“ положеніи. Да и что,—въ этомъ смыслѣ—есть научная „истина“? Не вѣтеръ ли, всегда гуляющій? Не волна ли, ускользящая въ безустанномъ прибоѣ? Не непрестающій ли процессъ? Однимъ словомъ, не живая ли дѣятельность, *ἐνέργεια*, въ противоположность застывшей вещи, *ἔργον*?—Но и помимо того, если бы дѣло сводилось исключительно къ передачѣ готовыхъ „истинъ“, то тогда лекція стала бы бессмысленною и безцѣльною. Учебникъ,—всегда обдуманнѣе зрѣлѣе, нежели лекція,—учебникъ осуществляетъ такую задачу неизмѣримо лучше всякой лекціи. Читать же учебникъ, даже превосходнѣйшій, цѣлой аудиторіи грамотныхъ людей едва ли требуется послѣ изобрѣтенія Гуттенберга. Это все равно, какъ если бы швея, оставивъ машину Зингера, вздумала шить какую-нибудь рыбьею костью.

Но если существо лекціи, дѣйствительно, таково, то от-

сюда вытекаетъ рядъ своеобразныхъ признаковъ, весьма различающихъ лекцію отъ другихъ родовъ словесныхъ произведеній.

Прежде всего, именно, это—интересъ къ мелочамъ, къ частностямъ, къ подробностямъ, къ тончайшимъ черточкамъ, обрисовывающимъ изучаемое явленіе въ его живой индивидуальности, а не только „вообще“, въ схемѣ. Какъ лекторъ, такъ и слушатели, чувствуютъ себя въ положеніи человѣка, который вовсе не обязанъ скакать на почтовыхъ, но въ правѣ затратить извѣстное время на внѣ-программно заинтересовавшій его камешекъ или травку. Правда, мелочи такого рода, необходимо, сосредоточены около красной нити изложенія, подобно тому какъ и для нашего путника предметы его вниманія тянутся вдоль его тропинки; но далеко не всегда онѣ выводятся изъ осевой мысли лекцій рационально-логически: иногда ихъ связь съ общею идеею курса—психологическая (по ассоціаціи), или эстетическая (по требованію извѣстнаго разнообразія, или паузы, или, такъ сказать, фіоритур), или, если не погрѣшу подобнымъ оборотомъ,—дидактическая, вызванная соображеніемъ въ родѣ: „Здѣсь не неумѣстно сообщить такой-то учительный фактъ или такую-то любопытную теорію; опустить ихъ—жалъ, а возвращаться къ нимъ въ другой разъ—это ужъ будетъ слишкомъ далекимъ обходомъ“.

Хорошій учебникъ бываетъ обыкновенно построенъ такъ, что выпустить тотъ или иной §—это значитъ сдѣлать непонятнымъ и многое дальнѣйшее; и наоборотъ, все то, что можно выпустить безъ ущерба, тѣмъ самымъ оказывается лишнимъ въ учебникѣ и должно быть вычеркнуто. Но въ курсѣ лекцій многое, въ дѣйствительности будучи связано органически съ цѣлымъ и дѣйствительно живя съ цѣлымъ одною жизнью, не слѣдуетъ однако жъ изъ идеи цѣлаго *more geometrico*, съ логическою необходимостью и потому можетъ быть и отрицаемо. Такъ, боковой побѣгъ растенія, питающійся соками главнаго стебля,—одно тѣло съ нимъ; но изъ идеи цѣлаго растенія не слѣдуетъ того, чтобы эта побочная отрасль выросла непременно. Иногда избытокъ второстепенныхъ стеблей можетъ быть въ ущербъ растенію; тогда дѣло индивидуальнаго такта (а не логики) рѣшить, что именно оставить развиваться, и что—отсѣкнуть. Не иначе—и въ курсѣ лекцій.

Другая характерная особенность лекціи слѣдуетъ изъ задачи лекціи. Лекція, — это говорилось уже—, должна не научить тому или другому кругу фактовъ, обобщеній или теорій, а приучать къ работѣ, создавать вкусъ къ научности, давать „затравку“, дрожжи интеллектуальной дѣятельности. Она—не столько питательное, сколько, по преимуществу, ферментативное начало, т. е. приводящее въ родъ броженія психику слушателя. Эта бродильная дѣятельность лекціи ставитъ ее, въ качествѣ рода словесныхъ произведеній, на мѣсто полярно-противоположное съ энциклопедіей, со справочникомъ, со словаремъ,—назначеніе которыхъ—именно давать вещество для броженія. Самое же броженіе психики состоитъ въ полученномъ чрезъ „зараженіе“ вкусомъ къ конкретному, въ наукѣ благоговѣйнаго пріятія конкретного, въ любовномъ созерцаніи конкретного; при чемъ, это послѣднее, конкретное, здѣсь разумѣется въ смыслѣ самого объекта непосредственнаго научнаго изслѣдованія, въ смыслѣ первоисточника, будь то камень и растеніе, или же религіозный символъ и литературный памятникъ. Эта радость о конкретномъ, этотъ реализмъ отрицательно выражаетъ себя какъ внутренняя (не формальная) неудовлетворенность какимъ угодно промежуточнымъ мнѣніемъ объ объектѣ, которое заститъ объектъ и норовитъ само, спихнувши объектъ съ точки фиксаціи вниманія, стать вмѣсто него. Стремленіе увидѣть своими глазами, пощупать своими руками первоисточникъ и начинается собственно научную настроенность, въ отличіе отъ ученой доксографіи,—отъ описанія чужихъ мнѣній. Какъ было бы нелѣпо изучать ботанику не по живымъ растеніямъ и даже не по фотографическимъ снимкамъ съ растеній, а по ихъ описаніямъ, такъ же и во всякой научной дѣятельности искать увидѣть подлинникъ есть стихія самостоятельнаго мышленія. Вкусъ натурального вина доступенъ лишь тому, кто беретъ вино отъ самого заводчика,—либо изъ рукъ въ руки, либо за его личную подписью: равнымъ образомъ и натуральные объекты изслѣдованія, подлинныя, покажутъ свой вкусъ только—, когда получаешь ихъ изъ первыхъ рукъ самихъ творцовъ гениальной мысли, за ихъ подписью, или изъ созерцанія тѣхъ или иныхъ вещей, фотографическихъ снимковъ и т. д., подобно тому какъ подлинныя факты наукъ естественныхъ заим-

ствуются лишь изъ прямого наблюденія. Розничная же торговля мыслями,—въ лавченкахъ ли, или въ магазинахъ —, не менѣе, чѣмъ и розничная продажа вина, всегда отзывается поддѣлкою и, главное, ни къ чему не нужными сдобриваніями: мало ли какихъ построений можно навыдумать изъ себя за письменнымъ столомъ. Подлинная мысль, подлинный фактъ—терпки и, порою, кислы, какъ и неподдѣльное вино. Вотъ почему, ко вкусу лекціи,—направляющей вниманіе слушателей на конкретное, на перво-источники—, надо еще приучиться.

Можетъ явиться вопросъ: но не есть ли лекція записанная, вдобавокъ, печатаемая лекція и, тѣмъ болѣе, издаваемая въ свѣтъ,— не есть ли она *contradictio in adjecto*? Если лекція—непосредственное творчество, то можно ли ее запечатлѣть на бумагѣ и, будучи запечатлѣнною, не выдыхается ли лекція, не испаряется ли изъ нея самая жизненная ея сущность? Не теряетъ ли лекція права на существованіе, будучи записанной?—Думается, что нѣтъ. И пребывающее въ потокѣ времени (запись) можетъ имѣть своимъ содержаніемъ мимолетное; и опосредствованное письменью можетъ быть непосредственнымъ; и закрѣпленное можетъ быть, по содержанію своему, свободнымъ. Такъ, дневникъ, одна изъ самыхъ свободо-любивыхъ и недисциплинированныхъ формъ словесныхъ произведеній, можетъ быть записанъ и иногда (—хотя и рѣдко!—) обнаруженъ. Какъ лепестокъ написанной розы навѣки блеститъ готовою вотъ-вотъ обсохнуть утреннею влажностью; какъ на валикъ фонографа голосъ, слегка дрогнувшій отъ неувѣренности, схватывается для тысяче-кратнаго воспроизведенія съ этою мгновенною осячкой; такъ же и въ дневникѣ и даже въ записанной лекціи получаетъ неподвижность то, что имѣетъ смыслъ лишь какъ „теперь“ и „непосредственно“ творимое, и, будучи закрѣплено, оно на вѣки остается „теперь“ и „непосредственно“ творимымъ:

„этотъ листокъ, что завялъ и свалился,

„золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи“.

Сказанное доселѣ относится къ лекціямъ совершеннымъ, какихъ, быть можетъ, и не много найдется. Это—скорѣе пожеланія, нежели описанія существующаго. Что жъ—до предлагаемыхъ лекцій, то относительно нихъ необходима ого-

ворка. Конечно, составителю трудно судить, насколько удалась предносившаяся ему форма ихъ изложенія; но содержаніе ихъ (—и это должно быть заявлено со всею настойчивостью—) не притязаетъ ни на особую оригинальность, ни на ученость разработки. Общій замыселъ, да нѣсколько своеобразныхъ рѣшеній задачъ частныхъ—вотъ и все новое, на что смѣетъ надѣяться авторъ. И если онъ все же рѣшается на обнародованіе своего труда, то причина тому—отсутствіе подобнаго синтеза историко-культурныхъ и религіозныхъ данныхъ съ данными историко-философскими.

И ещѣ одна оговорка: лекціонная форма, требующая по существу дѣла извѣстной опредѣленности, извѣстной отечанности, извѣстной стилизаціи сужденій, иногда заставляла высказываться болѣе рѣшительно, чѣмъ то было бы допустимо въ ученомъ сочиненіи. Но избѣгнуть преувеличенія было невозможно, потомучто полная, научная осторожность въ выводахъ и оцѣнкахъ повела бы за собою тѣмъ оговорокъ и сдѣлала бы самую мысль мало-вразумительной, пухлой и безцвѣтной. Однако, съ этимъ каждому надо считаться самостоятельно. При обработкѣ же лекцій къ печати авторъ старался сохранить основной тонъ изложенія и только позволилъ себѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ученую и литературную ретушь.

Пусть и „примѣчанія“, послѣдующія каждой лекціи, не останутся безъ „примѣчанія“. Дѣло—въ томъ, что окрестъ лютого изъ предметовъ, обсуждаемыхъ на этихъ страницахъ, выросла цѣлая литература. Возможно ли, да и нужно ли считаться съ нею каждый разъ сполна? И, тѣмъ болѣе, требуются ли непременно библиографическія справки?—Для автора эти вопросы рѣшаются въ смыслѣ отрицательномъ: мало ли какія есть или могутъ быть мнѣнія по безчисленному множеству вопросовъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, теряя всякое само-уваженіе гоняться за каждымъ изъ нихъ, прислушиваться къ тысячамъ голосовъ! Да и среди ученыхъ слуховъ девять десятыхъ обыкновенно бываетъ чистыми сплетнями.—Въ прилагаемомъ „нижнемъ этажѣ“ указываются по преимуществу труды на русскомъ языкѣ, или же труды сравнительно общаго характера. Справки же болѣе спеціальныя едва ли были бы умѣстны въ сочиненіи популярномъ.

П. Ф.

ПРАЩУРЫ ЛЮБОМУДРІЯ.

Двойственность задачи, подлежащей историку мысли.—Постановка задачи изслѣдованія.—Неожиданныя затрудненія, встающія предъ современнымъ изслѣдователемъ античной мысли.—Чрезмѣрная упрощенность еще недавнихъ представленій о начаткахъ античной философіи и античной религіи.—Сложность античной культуры.—Аналогіи явленій ея въ исторіи новой.—Незначительность „древней“ греческой исторіи.—Археологическія подтвержденія этого вывода.—Классическая археологія конца XIX и начала XX вѣковъ.—Перспективы неизслѣдованнаго

Двоякая задача предложитъ историку мысли; два раздѣльныхъ изслѣдованія долженъ произвести онъ.

Двойственность задачи, подлежащей историку мысли

Во первыхъ, ему необходимо въ общихъ очертаніяхъ изучить историческое явленіе мысли въ его цѣльной законченности, понять взаимное расположеніе и природу различныхъ слоевъ и различныхъ геологическихъ системъ всей толщи мысли,—въ нашемъ случаѣ—мысли античной и, частіе, — философствующей. Выражаясь не фигурально, скажемъ: историку античной философіи надо понять античную философію въ ея общемъ ходѣ. Да, для него необходимо наслѣдить направленіе оси ея,—ея станового хребта и существеннѣйшихъ направленій костяка и уяснить себѣ общіе законы растительныхъ силъ античной философіи. Эта, первая задача изслѣдованія уже сдѣлана нами въ курсѣ „Введенія въ исторію античной философіи“¹.

Во вторыхъ, когда конфигурація мысли въ ея исторіи усвоена, то предметомъ дальнѣйшаго вниманія должно быть изученіе отдѣльныхъ слоевъ философіи, — такъ сказать, микроскопическій и химическій анализъ отдѣльныхъ породъ каждаго слоя: отъ этой микрологіи мысли мы ждемъ отвѣта на вопросъ о тѣхъ факторахъ, которые обусловили появленіе именно такого философскаго міро-созерцанія каж-

дой эпохи, въ его индивидуальной особености, и надѣемся войти въ живое, конкретное общеніе съ ушедшими мыслителями.

*Гостанов-
а задачи
ислѣдова-
нія.*

Понятно, что подлежащая задача громадна,—мало того, необъятна по существу своему. Войти въ цѣлый сонмъ могучихъ человѣческихъ душъ, да еще, вдобавокъ, мыслившихъ столь много вѣковъ до насъ, въ условіяхъ, быть можетъ, ничуть не сравнимыхъ съ нашими, — это кажется дѣломъ, превышающимъ не только размѣры курса лекцій, но и цѣлой жизни. Жутко и браться за него! Впрочемъ, быть можетъ, такъ—только кажется; быть можетъ, нѣтъ надобности и пытаться объять эту необъятность: какъ химикъ беретъ пробы изъ различныхъ слоевъ изучаемаго вещества и довольствуется пріобрѣтеннымъ знаніемъ состава этихъ пробныхъ порцій, не подвергая анализу всего вещества, такъ же и мы можемъ удовольствоваться пробамъ философскаго мышленія на разныхъ глубинахъ его залеганія въ толщъ всей философіи. Въ этомъ смыслѣ скажемъ, что обсуждаемый второй моментъ въ задачѣ историка философіи—это дать почувствовать вкусъ философскаго мышленія въ его исторіи, при чемъ для послѣдней цѣли достаточно (—зная общій ходъ роста—) вникнуть хотя бы въ нѣсколько типическихъ представителей философіи или въ нѣсколько типическихъ эпохъ. Но только, то немногое, что предлагается вниманію, должно быть облѣдовано возможно подробнѣе, въ частностяхъ.

Впрочемъ, что касается до собственно нашего курса, то мы еще болѣе съузимъ поле зрѣнія, ограничивая его вопросомъ о возникновеніи эллинской философіи. И, если принципиальное обсужденіе этого вопроса показываетъ ³, что философія рождается отъ религіи, что философскія понятія вырабатываются изъ религіозныхъ и, наконецъ, что естественная предѣльность извѣстнаго цикла, извѣстнаго отдѣла развитія философской мысли есть лишь слѣдствіе ограниченности мистическаго опыта, который образуетъ основное ядро данной религіи,—то подлежащее изслѣдованіе должно, именно, **подвергнуть внимательнѣйшему проникновенію связь античной религіи и античной философіи въ моментъ возникновенія этой послѣдней.** Найти религіозные корни античной философіи, изслѣдовать религіозную, исторически-

сложившуюся, почву и под-почву ея,—вотъ задача, естественно требующая себѣ нашего вниманія.

Однако и тутъ, при этой упрощенной постановкѣ дѣла. *Про живиан-*
 выдвигаются величайшія трудности, которыя доселѣ не *ныя затруд-*
 только не побѣждены людьми науки, но о которыхъ, до по- *ненья, вѣста-*
 слѣднаго времени, не было даже догадки. Мало того; чуть *нотія прео-*
 ли ни каждый годъ приносить съ собою новыя затрудненія: *современ-*
 такъ, при восхожденіи на горы встаетъ предъ путникомъ *ныи или ль-*
 подъемъ за подъемомъ, хотя каждый разъ кажется ему, что, *оваале и мѣ-*
 вотъ, еще одинъ, „последній“ подъемъ,—и настоящая вер- *античной*
 шина будетъ достигнута. Но и того мало; я дерзаю сказать, *числ*
 что сейчасъ, въ наше, вообще бурное и переходное, время, въ
 эту тревожную для всего уклада теоретической мысли эпоху,
 когда завоеванія наукъ о духѣ существенно перестраиваютъ
 установившееся пониманіе процессовъ духовной жизни че-
 ловѣчества; когда исторія религіи, искусства, культуры
 получаютъ отъ археологіи неожиданность за неожиданностью:
 когда біологія и физика съ химіей трещать по всѣмъ
 швамъ, уже не имѣя крѣпости сдержать тяжесть самород-
 ныхъ золотыхъ слитковъ опыта; когда, наконецъ, китъ всего
 современного міро-созерпанія, механика, проснулся, задви-
 гался и явно собирается нырнуть въ воду, и,—что я говорю
 „механика“!—, когда сама „царица естествознанія“, матема-
 тика, по сану своему хранительница устоевъ и традиціи,
 заговорила такъ, что министры ея еще недавняго прош-
 лаго,—если бы ѳжили—,ничего не поняли бы, возмущенные:
 когда,—однимъ словомъ—,безконечность новаго содержанія
 рветъ старые мѣхи научной формы,—въ это время револю-
 ціонной реакціи въ наукѣ,—говорю я—, мы можемъ лишь
 смутно догадываться о тѣхъ новыхъ и ожидающихъ насъ
 препятствіяхъ на пути къ историко-философскимъ построе-
 ніямъ античной філософіи, которыми чревата земля, кото-
 рыми беременѣетъ море.

Да, „земля и море“! Ибо силою археологіи земля разверзла
 нѣдра свои и море открыло пучину свою, чтобы явить предъ
 лицомъ неба то, чего,—давно ли?—, ученые чурались. Въ са-
 момъ дѣлѣ; когда историческая критика и гипер-критика при-
 вели къ нулю значеніе большинства сагъ античнаго міра;
 когда были обращены въ натуралистическіе миѳы образы мно-
 жества героевъ древности; когда, наконецъ, скептики, вродѣ

Ю. Белоха³, позволяли себѣ усумниться даже въ такихъ историческихъ данныхъ, какъ массовыя перемѣщенія народовъ съ Сѣвера („вторженіе дорянъ“); тогда, къ удовольствію историковъ мысли, дѣло научнаго изученія до чрезвычайности упрощалось. Уже VII вѣкъ до Р. Х. казался окутаннымъ такимъ густымъ туманомъ легендарныхъ вымысловъ, что пробраться къ историческому зерну было дѣломъ, почти превышающимъ силы науки. Вспомните, хотя бы, положеніе „гомеровскаго вопроса“⁴. Вспомните считавшіеся еще болѣе фантастичными легендарныя образы Орфея, Евмолпа и другихъ религіозныхъ реформаторовъ и „великихъ посвященныхъ“ древности.

Естественно, что въ этой мутной водѣ историческаго незнанія легко было ловить излюбленныхъ рыбъ эволюціонной доктрины. И это дѣлалось не только легко, но и довольно правдоподобно. Вѣдь при незнаніи чего-либо неизвестное представляется элементарнымъ и несложнымъ,—опроценно. Давно ли въ химіи казалось, что атомъ—воистину *ἄτομος*, недѣлимый, безусловно-простой? Давно ли амеба съ клѣточкою въ биологіи почитались за безструктурныя комочки протоплазмы? Но теперь, когда изслѣдованы тотъ и другая, они представляются столь сложными, столь содержательными, что въ итогѣ мы не знаемъ, въ чѣмъ же ихъ преимущество простоты предъ иными объектами изслѣдованія: предъ безконечностью вторгающейся отовсюду ирраціональности всякая конечная рациональность оказывается чистымъ нулемъ. Мы живемъ надъ пучиною огненной лавы, лишь прикрытою тоненькой корочкой „опознаннаго“; какія безпечность разсчитывать на спокойствіе рационалистическаго міро-воззрѣнія! Но, въ извѣстныя эпохи и въ наукѣ бывають свои мессивы: то напоминаетъ о своей безконечной мощи ирраціональное. Такъ—и въ изучаемомъ нами предметѣ.

Античное мышленіе,—какъ казалось, вотъ только что перешедшее порогъ исторіи и, слѣдовательно, только-только что родившееся на свѣтъ—, античное мышленіе являлось изслѣдователю какъ что-то въ высшей степени примитивное, элементарное, наивное,—какъ то, въ чемъ части еще не дифференцировались, структура чего подобна первобытной слизи Геккеля и что не требуетъ въ отношеніи себя слишкомъ большой тщательности изслѣдованія (—„Слизь-слизью, и

*Чрезвычайная
упрощен-
ность еще
недавнихъ
представле-
ній о начал-
кахъ антич-
ной филосо-
фій и ан-
тичной ре-
лигіи*

всего тамъ больше смотрѣть!“—). Понятно и то, что при такомъ опрощенствѣ мысли никакая необходимость не толкала изслѣдователя къ подробному и детальному уясненію себѣ системъ древнѣйшей эллинской философіи. Ихъ принимали черезчуръ простыми, или же (—если хотѣли замолвить слово въ пользу философіи вообще—), оставляя ихъ черезчуръ опрощенными по формѣ, съ большею или меньшею произвольностью вкладывали въ системы современное изслѣдователямъ содержаніе, слабривая и приправляя ихъ концепціями: то научными, то метафизическими, то мистико-еесософскими,—смотря по вкусу.

Вотъ какъ, приблизительно, начиналась краткая исторія античной философіи:

„Первыми философами были іоняне. Размышляя о причинахъ сущаго, они старались опредѣлить то вещество, изъ котораго все происходитъ. Thalесъ принималъ за такое начало вещей воду, Анаксимандръ—безпредѣльное, Анаксименъ—воздухъ“ и т. д.

При этомъ предполагалось, что философія возникла изъ ничего и что умъ первыхъ философовъ представлялъ собою *tabula rasa*,—воищечкѣ. Сперва, молъ, не было никакого міросозерцанія. Но досужій купецъ Thalесъ обратилъ вниманіе, что вода имѣетъ большое значеніе въ экономіи природы. и отсюда умозаключилъ, что она и есть тѣ, изъ чего все произошло.

Въ параллель съ такимъ удобнымъ способомъ изложенія исторіи философіи излагалась и исторія религіи. Тутъ, свѣтлое,—а порою и блестящее—, царство гомеровскихъ боговъ, возглавляемое Зевсомъ, тоже казалось чѣмъ-то само собою разумѣющимся, и вопросъ шелъ не объ исторіи религіи въ болѣе глубокой древности, а о фантастическихъ и анти-научныхъ спекуляціяхъ насчетъ сущности этихъ боговъ,—натуралистическія ли это аллегоріи, историческія (эвгемеристическія) или метафизическія,—дѣло отъ того не мѣняется. При этомъ молчаливо подразумѣвалось, что есть эта, рационально-выразимая „сущность“ боговъ (= „сущность“ религіи) и что найти ее во всякомъ случаѣ можно.—требуется лишь достаточно остроумія. Задача о нахожденіи „сущности“ религіи имѣла себѣ точную параллель въ естествознаніи (*perpetuum mobile*), въ математикѣ (квадратура круга, уравненія 5-ой степени, трисекція угла и т. д.) и въ

другихъ дисциплинахъ и выражала догматическое умо-настроение. Но какъ въ иныхъ дисциплинахъ былъ поставленъ критическій вопросъ о самой возможности искомага рѣшенія, и, при томъ, во многихъ случаяхъ рѣшенъ отрицательно, такъ же точно и въ исторіи и философіи религіи, съ большею или меньшею отчетливостью, ставится наконецъ этотъ, хотя и запоздалый, но въ существѣ своемъ первый вопросъ,—вопросъ о вопросѣ,—вопросъ о возможности остальныхъ вопросовъ. Однимъ изъ симптомовъ этого религіозно-философскаго и религіозно-историческаго критицизма является книга В. Джемса о религіозномъ опытѣ ⁵. Она важна именно какъ знаменіе разрыва съ догматизмомъ въ философіи и исторіи религіи, какъ знамя перелома настроеній.

Соблазнъ задачи о сущности боговъ,—сущности, разумеваемой не какъ религіозная же, „имманентная“ для религіи величина, а какъ величина инородная, „трансцендентная“, транс, по ту сторону границы религіи стоящая—, этотъ соблазнъ увеличивался отъ казавшейся само-очевидною недавности возникновенія боговъ, еще, будто бы, прозрачныхъ для зоркаго изслѣдователя. И тѣмъ болѣею недавностью приписывалась философіи.

Какъ-то не задумывались изслѣдователи надъ тѣмъ, что іоническая философія, равно какъ и гомеровскій эпосъ есть не изначальная данность, а „зрѣлый плодъ многовѣковой культуры“ и „сложное историческое образованіе“ ⁶. Эпоха за 25 вѣковъ до нашего времени казалась лежащею на грани исторіи,—древнею эпохою въ собственномъ смыслѣ и потому—чѣмъ-то примитивнымъ и перво-бытнымъ; за ней не подозрѣвали историческаго закала, не чуяли, что этой исторіи предшествуетъ пра-исторія. Отсюда-то и вытекало господствовавшее убѣжденіе въ элементарности древней философіи.

„Представимъ себѣ,—говоритъ одинъ историкъ философіи ⁷—, представимъ себѣ, что по исторіи Западной Европы мы не имѣемъ ни одного письменнаго памятника до конца крестовыхъ походовъ. Мы сразу застаемъ сложившійся феодальный строй съ его рыцарствомъ, католическую церковь съ ея іерархіей, монашескими орденами, догматами, культомъ, съ ея святыми. Чтò знали бы мы о предыдущей исторіи, о начаткахъ феодальнаго строя, о великихъ переселе-

ніяхъ народовъ, о борьбѣ христіанства и язычества, о борьбѣ Рима и варваровъ, о происхожденіи христіанства? У насъ остались бы древніе могилы, развалины и храмы, остатки римской и германской старины. Но сколько праздныхъ и ложныхъ гипотезъ было бы высказано для объясненія всего этого археологическаго матеріала! Остатки древне-христіанскихъ памятниковъ или начало готики принимались бы за признаки глубокаго измѣненія въ составѣ народоселенія, или иноземнаго нашествія; дѣйствительныя передвиженія народовъ, наоборотъ, прошли бы незамѣченными“.

Въ такомъ положеніи мы именно и находимся по отношенію къ древней Греціи (Э. Мейеръ) ⁵. Вѣкъ культуры, запечатлѣнный въ „Іліадѣ“, по справедливости характеризуется современными историками Греціи, вродѣ Э. Мейера, Пельмана, Меррэя и др., какъ „Греческое Средневѣковье“, *das griechische Mittelalter*, по выраженію нѣмецкихъ ученыхъ. Въ исторіи челоуѣчества міровые дни культуры періодически смѣняются болѣе длинными міровыми ночами культуры,—говоритъ Вяч. И. Ивановъ, мудрый поэтъ и глубокомысленный изслѣдователь религіи. Такою ночью, архаической культурою, такою ночью является, на примѣръ, Западное Средневѣковье:—ночью „не въ томъ смыслѣ, въ какомъ утверждается ночная природа этой эпохи мыслителями, видящими въ ней только мракъ невѣжества,—но въ иномъ смыслѣ, открытомъ тому, кто знаетъ, какъ звалъ Тютчевъ, ночную душу“ ⁹. Такъ же, вотъ, въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѣ густѣетъ ночь архаизма. Цвѣтущая же, дневная пора древности соответствуетъ новому времени: VII и VI вв.—XIV-му и XV-му, V—XVI-му, а культура эллинизма можетъ быть приравниваема съ современною ¹⁰. Уже вечерѣетъ небо, уже разливается въ воздухѣ прохлада. „Первыя звѣзды зажглись надъ нами. Яснѣ слышатся первыя откровенія вновь объемлющей свой міръ души ночной“ ¹¹. Мы пережили вѣкъ утонченности, а затѣмъ—и переутонченности; теперь же начинаются исканія архаизма и отвращеніе отъ раціональности. Самый прочный изъ оплотовъ раціонализма,—научное міровоззрѣніе,—падаетъ на нашихъ глазахъ подъ прибоемъ растущаго прилива. Близко новое средневѣковье; и народныя массы съ Востока, кажется, уже идутъ исполнять, устремившись на

Западную Европу съ сѣвера,—идутъ исполнять свое обычное историческое назначеніе,—рушить.

Напомнимъ суммарно результатъ историческаго изслѣдованія; въ интересахъ безпристрастія будемъ говорить по возможности не своими словами.

„По переселеніи дорянъ греческія племена пріобрѣтаютъ окончательную осѣдлость. Царская власть микенскаго періода разлагается на материкѣ и не возрождается въ колоніяхъ. Образуется могущественная земельная аристократія, особенности которой въ отдѣльныхъ чертахъ напоминаютъ средне-вѣковое рыцарство; наряду съ нею земледѣльческій классъ постепенно теряетъ свободу, и классовое дѣленіе становится все болѣе и болѣе рѣзкимъ, хотя классовая борьба еще не загорѣлась. На восточной окраинѣ развивается мореходство, торговля, промышленность, а Греція вступаетъ на путь колонизаціи. Зависимость отъ Востока, колыбели культуры, порывается.--- Наступаетъ періодъ самобытнаго національнаго развитія.--- Зрѣлымъ плодомъ этой исторической эпохи является эпосъ, свидѣтельствующій о высокой утонченности ея рыцарской культуры. Какимъ образомъ еще не такъ давно могли видѣть въ немъ отголоски первобытной поэзіи, продукты „безсознательнаго народнаго творчества“,—въ настоящее время представляется непостижимымъ.--- Судить о первоначальной религіи грековъ по этому поэтическому произведенію было бы столь же неосновательно, какъ составить представленіе о раннемъ христіанствѣ по религіозной живописи эпохи возрожденія“ ¹².

„Только по странному недоразумѣнію,—говоритъ другой изслователь—, только по странному недоразумѣнію могли когда-то видѣть въ Гомерѣ отображеніе яснаго младенчества счастливаго народа. Быть можетъ, духъ современности, духъ Жанъ-Жака Руссо окрасилъ для людей XVIII вѣка свою оптимистическую окраской мрачные образы той эпохи мрака и смерти, которая начинается со слова „гнѣвъ“ и съ изображенія кары боговъ и бѣдствія народнаго, а завершается героическою тризной,—или картины долготерпѣнія, тоски и бѣдствія божественнаго страдальца Одиссея --- Правда, море смѣялось въ стихахъ Гомера всѣми своими улыбками, и смѣялись пирующіе смертные, и божественно смѣялись обитатели Олимпа: но еще чаще его герои льютъ безутышныя слезы во святую соль безплоднаго моря или идутъ въ трагическомъ безмолвіи „по берегу вечно шумящей пучины“ Гомеръ былъ первый, нашедшій въ чуждыя жалобы на мгновенность жизни, на скорбь и страду людскаго существованія, на безотрадность существованія загробнаго, на тщету всего земнаго“ ¹³.

Но, въ сужденіяхъ о гомеровскомъ эпосѣ, изслѣдователи идутъ и далѣе. Они отмѣчаютъ моментъ вольнодумства въ гомеровскихъ представленіяхъ о богахъ, свидѣтельствующій, что люди той эпохи жили въ атмосферѣ культуры утонченной, уже разлагавшейся. Воспользовавшись мѣткимъ словомъ Достоевскаго скажемъ про этихъ людей: „Докультурились!“ Такъ, новѣйшій изслѣдователь, Мёррэй, различая нѣсколько стадій, нѣсколько слоевъ въ богословіи Гомера, „позднюю іоническую стадію“ характеризуетъ какъ такую, когда боги перестали имѣть какое-либо подлинно-религіозное значеніе, но остаются лишь въ качествѣ сюжета рассказчику и матеріаломъ для особаго, полу-непристойнаго юмора. Такова, напримѣръ, сцена между Герою и Зевсомъ (*Ξ, Διὸς ἀλάτῃ*)¹⁴, на вкусъ Мёррэя напоминающая новеллы Боккачіо; но, особливую кощунственную пикантность эта сцена получаетъ, если мы вспомнимъ, что въ ней использованъ мотивъ серьезнаго древняго мѣа, *ἱεροῦ γάμου*, священнаго („церковнаго“) брака ¹⁵. Какъ мало похожъ этотъ фривольный Гомеръ на образъ „Священнаго Старца“, этого полу-дикаря съ трогательною непосредственностью и наивною мудростью взрослого ребенка, столь живо и художественно возсозданный Анатолемъ Франсомъ въ одномъ изъ его рассказовъ ¹⁶!

Даже эти, недавно считавшіяся „до-историческими“, истоки эллинской культуры оказываются вовсе не элементарными. Сложность того періода античной жизни, въ которомъ протекаетъ начальная исторія философіи, видна и изъ параллелизма этой жизни съ жизнью Европы въ періодѣ новаго времени,—параллелизма ярко выступающаго въ изслѣдованіяхъ исторической науки. По взглядамъ новѣйшихъ историковъ-экономистовъ (Э. Мейеръ, Пёльманъ, Белохъ и др.), „древній міръ волновали тѣ же жизненные вопросы, которые еще и теперь занимаютъ cadaго мыслящаго чело-вѣка“ (Пёльманъ). „Язвы, отъ которыхъ страдаетъ современное общество,—далеко не специфическая черта новаго времени, лишь ему свойственная. Пёльманъ указываетъ существованіе уже въ Греціи капитализма и его спутниковъ—пауперизма, пролетаріата, борьбы общественныхъ классовъ, соціальнаго вопроса, и сблизаетъ эти явленія съ соотвѣтствующими явленіями нашего времени“.

*Аналоги
явленій гре-
ческой исто-
рии въ исто-
рии новой*

„Наше представленіе о государствѣ, какъ о посредникѣ между классами и представителѣ общаго интереса въ противовѣсъ отдѣльнымъ, эгоистическимъ классовымъ стремленіямъ—это представленіе есть ничто иное, какъ возвращеніе къ воззрѣніямъ Платона и Аристотеля“¹⁷. Точно также, „просвѣтительныя“ идеи энциклопедистовъ XVIII-го вѣка объ естественномъ правѣ въ противоположность положительному закону государствъ, идеи о естественной религіи въ противоположность положительной исторической религіи общинъ—эти идеи являются повтореніемъ „освободительныхъ“ (—софистическихъ—) ученій Греціи¹⁸. Даже модное, псевдо-ницшевское ученіе о сверхъ-человѣкѣ съ полною сознательностью было высказываемо (напр. Калликломъ у Платона) на греческой почвѣ и даже проводимо съ величайшею послѣдовательностью въ жизнь „великолѣпными львами“ того времени (Алкивиадъ, Критій)¹⁹.

По Э. Мейеру, въ хозяйственномъ развитіи Греціи прошла чрезъ тѣ же стадіи, что и новое время; такъ, Аѳины въ V и IV вв. стоятъ подъ тѣмъ же знаменіемъ капитализма, какъ и Англія въ XVIII-го столѣтія или Германія — съ XIX-го²⁰.

„Пельманъ и другіе новѣйшіе историки проводятъ и далѣе аналогію между древностью и нашимъ временемъ. Они сопоставляютъ стремленіе къ „опрощенію“, восхваленіе „натуральнаго“ состоянія среди утонченно-развитой цивилизаціи тогда и теперь; они сравниваютъ взгляды, напр., Диккарха изъ Мессаны, ученика Аристотеля, и идеи Руссо и гр. Л. Н. Толстого (Шельманъ, Люд. Штейнъ); утопіи древности и утопіи новаго времени, имѣющія какъ бы свой образъ въ социальной поэзіи грековъ (Пельманъ); нѣкоторыя воззрѣнія греческой философской мысли и новѣйшія научныя теории (Гомперцъ, П. Таннери²¹); даже способы тогдашней и нынѣшней медицины (Гиршбергъ); космополитизмъ въ древности и космополитизмъ новаго времени (Э. Мейеръ) и т. д. Модернизация сказывается и въ томъ, что нѣкоторые историки, напримѣръ, Гольмъ, отчасти и Э. Мейеръ, любятъ сравнивать дѣятелей Эллады съ дѣятелями XIX-го вѣка. Такъ, Демосѳенъ напоминаетъ Гольму Гладстона“²². Однимъ словомъ, греческая исторія оказывается **типическою**, какъ типична и исторія греческой философіи. А типичность эта заставляетъ или отказаться вообще

отъ идеи развитія, или признать у греческой исторіи глубоко-залегающую подземную стройку,—**пра-исторію**. Впрочемъ, послѣдняя мѣра, хотя и полезная сама по себѣ, однако едва ли ни покажется, при болѣе серіозномъ разсмотрѣніи, палліативомъ, — ничѣмъ инымъ, какъ проволочкою героическаго средства.

Но, какъ бы-то ни было, а культура эллинская вообще такъ неэлементарна, такъ много-сложна, что, не противорѣча этой общей ея сложности, немыслимо говорить о налесахъ и анаксимандрахъ съ опрошеніемъ ихъ до возможной лишь для малыхъ ребятъ наивности. Да, впрочемъ, и жизнь дѣтской души, нерѣдко постигающей то, чего не разумѣютъ взрослые,—эту жизнь знаемъ ли мы въ ея дѣйствительной глубинѣ и дѣйствительной много-гранности?

Доселѣ древность начатковъ греческой культуры, греческая пра-исторія была для насъ только выводомъ изъ сложности эллинской жизни, предметомъ умо-заключенія. Но она не только выводъ, но и прямо свидѣтельствуется археологическими раскопками конца XIX-го и начала XX-го вѣковъ. Чтобы подойти къ тому, что пока, при теперешнемъ состояніи знаній, можно было бы счесть за первичные слои античной культуры, надо отступить назадъ еще по крайней мѣрѣ на столько же вѣковъ отъ времени возникновенія философіи (VI-ой вѣкъ до Р. X.), на сколько мы отступаемъ отъ настоящаго времени до времени ея возникновенія; иными словами, эпоха возникновенія философіи лежитъ приблизительно въ серединѣ между началомъ эллинской культуры и нашимъ временемъ. Да, археологія открыла значительно болѣе 25-ти вѣковъ античной культуры до начала философіи, т. е. до VI-го вѣка (до Р. X.). И это открытіе совершилось такъ головокружительно быстро, что мы до сихъ поръ не можемъ понять, какъ же быть съ исторіей философіи. Вѣдь втеченіе какихъ-нибудь **трехъ десятилѣтій** (начало открытій Шлимана въ Иліонѣ относится къ 70-80-ымъ годамъ XIX-го вѣка, а изслѣдованія Эванса на Критѣ, начатыя въ 1-й годъ XX-го вѣка, и раскопки Гомблля и Голло на о-вѣ Делосѣ, начатыя въ 3-ій годъ XX-го вѣка. еще далеко не закончены ²³⁾),—втеченіе какихъ-нибудь **трехъ десятилѣтій** историческіе горизонты науки расширились на **вѣрныхъ три тысячелѣтія**. И то, что принима-

лось за terminus a quo исторіи, само оказалось terminus ad quem почти что трех-тысячелѣтней исторіи. Стоитъ ли отмѣчать, что тутъ переворачивается вверхъ ногами все прежнее пониманіе античнаго мышленія? А Вы, конечно, и безъ нарочитыхъ указаній поймете, въ какомъ нелѣпомъ положеніи находится современный изслѣдователь исторіи древней философіи.

„Быть можетъ, никогда еще не было такъ трудно говорить о начаткахъ греческой религіи [добавимъ: „и, не менѣе, — греческой философіи“], о начаткахъ греческой исторіи вообще, — чистосердечно свидѣтельствовалъ въ своихъ лекціяхъ 1900-1901 учебнаго года изслѣдователь греческой религіи кн С. Н. Трубецкой —, какъ въ настоящую минуту [добавимъ: „и, тѣмъ болѣе, въ настоящую, въ 1910-мъ году]; новѣйшія открытія на Критѣ не могутъ не произвести полнѣйшаго переворота въ нашихъ воззрѣніяхъ на исторію греческой древности. Они опровергли много гипотезъ, указали путь къ разрѣшенію многихъ проблемъ и вмѣстѣ поставили множество проблемъ, о которыхъ и не думали ранѣе. Высказывать какіе-либо окончательные выводы представляется преждевременнымъ — приходится ждать окончанія цѣлаго ряда начатыхъ работъ и ждать новыхъ открытій, которыя освѣтятъ намъ остатки древняго, невѣдомаго міра, столь неожиданно возвращенные изъ вѣдръ земли“²⁴.

Классическая археология конца XIX го и начала XX го вѣковъ.

Но, чтобы утвержденія эти не казались слишкомъ голословными и формальными, вспомнимъ вкратцѣ о судьбахъ археологіи конца XIX-го и начала XX-го вѣковъ. Вспомнимъ, давно ли царило невѣріе въ героевъ эпоса и трагедіи? Давно ли глубочайшимъ проникновеніемъ въ исторію казалось отрицать даже легендарную дѣйствительность этихъ приснолюбезныхъ челоуѣчеству образовъ? Давно ли въ ретортахъ историческихъ лабораторій ихъ выпарили до блѣдныхъ тѣней, до отвлеченныхъ понятій? Давно ли ссылка на, — только болѣе или менѣе правдо-подобную —, этимологію имени Елены (Ἑλένη, — отъ Ὑσέλ = блестять —; Елена „блестящая“, „свѣтлая“) казалась само-очевиднымъ указаніемъ лунной природы этой богини, такъ что Елена, приравнивалась Лунѣ-Селенѣ (Ἑλένη = Σελήνη)? Давно ли въ „Одиссеѣ“ усматривали всерьезъ²⁵, — и это не скандализовало ученаго міра —, ничто иное, какъ солнечно-лунно-звѣздный миръ (!). а

въ хитроумномъ грекѣ—небесное свѣтило? Давно ли? ²⁶ Но вотъ явились въ Гиссарлыкѣ и въ Микенахъ, благодаря, —столь „можно сказать, чудесно начатымъ“—, раскопкамъ Шлимана, изъ утробы земной останки былого, и „героическая мечта тридцати вѣковъ,“—Троя—, вдругъ стала осязаемою и вещественною. Царь Агаммемнонъ, и Ахиллъ съ Гекторомъ, и Елена, закрывающаяся „покровомъ серебристо-блестящимъ“, и „смѣлый юноша, ради любви пренебрегшій властью и мудростью“, и всѣ милыя, источенныя книжными червями тѣни прошлаго,—и „много-слезная война“, десять лѣтъ бушевавшая подъ стѣнами „священнаго Іліона“, и гибель здѣсь и тамъ лучшихъ героевъ, и властительная, надо всѣми торжествующая красота,—всепобѣдная Елена, которой все дозволено, которая все искушаетъ своимъ очарованіемъ,—все, все воскресло, все стало осязательнымъ. Прошла тоска о минувшемъ, когда человѣчество жаловалось, что „возлюбленный образъ исчезаетъ на легкихъ крыльяхъ по туманнымъ путямъ сна“. Тоска прошла; и, вмѣстѣ съ Поэтомъ-мистикомъ, простирая руки, привѣтствуетъ оно возвращеніе ускользнувшихъ:

„Вновь приближаетесь ко мнѣ вы, воздушные образы, нѣкогда, въ годы моей молодости, являвшіеся печальному взору. Попытаюсь ли я на этотъ разъ удержать васъ? Почувствую ли я, что сердцу моему все еще милы эти грезы? Вы тѣнитесь ко мнѣ? Что жъ, оставайтесь, воситесь вокругъ меня, подымаясь изъ туманныхъ паровъ. Грудь моя юношески трепещетъ подъ волшебнымъ дуновеніемъ, двигающимъ васъ ко мнѣ.

„Картины радостныхъ дней приносите вы съ собою, и много милыхъ тѣней встаетъ предъ моими глазами--

„И охваченъ я снова давно покинутымъ меня стремленіемъ въ тихое, величавое царство духовъ. Неясными звуками, подобно Эоловой арфѣ, несется моя лепечущая пѣснь. Трепетъ пробѣгаетъ по мнѣ, слеза кажутся за слезой, суровое сердце чувствуетъ себя кроткимъ и мягкимъ. Все, чѣмъ я владѣю въ настоящемъ, уходитъ отъ меня въ далекій міръ видѣній, и исчезнувшее прошедшее становится для меня дѣйствительностью“ ²⁷.

Раскопки послѣдовали за раскопками. **Троада, Микены, Орхомень, Тиринъ** {произносится: *Тиринсъ* ²⁶}, **Ида, Дикти, Кноссъ, Фестъ, Агіа Тріада, Делось**—вотъ тѣ **наибаважвѣйшіе** выходы изъ земли, откуда вырвались заключенныя въ преисподней тѣни прошлаго,—вотъ источники Мнемосины-Памяти, омывшіе отъ пыли вѣковъ старо-давнюю старину. И когда это произошло, то тогда что-то незримое, но твердое и непоколебимое родилось въ нашей душѣ: мы оказались сви-

дѣтелями мірового событія. „Такъ,—по слову одного художника и поэта—, такъ бываетъ съ тѣмъ, кто грезилъ во снѣ, и, проснувшись, печалится объ отлетѣвшемъ сновидѣніи, но вдругъ ощущаетъ въ сжатой рукѣ цвѣтокъ или предметъ, принесенный имъ изъ соннаго міра, и тогда всею своею плотью, требующею осязательныхъ доказательствъ, начинаетъ вѣрить въ земную реальность того, что до тѣхъ поръ было лишь неуловимымъ касаніемъ духа. И когда мы проснулись отъ торжественнаго сна Илиады, держа въ рукѣ ожерелье, которое обнимало шею Елены Греческой, то весь ликъ античнаго міра измѣнился для насъ. Фигуры, уже ставшія условными знаками, вновь сдѣлались вещественными“²⁹.

Что есть, то исчезаетъ изъ памяти человѣковъ; что было, то вновь приходитъ въ сознаніе роду людскому. Ужъ для Горация прошлое безмолвствовало:

„Жили герои и до Агамемвона, многіе: но всѣ, неоплаканные, сокрыты долгою ночью, ибо не нашлось для нихъ вѣщаго пѣвца“³⁰.

Да, темная ночь сокрыла—схоронила ихъ въ землѣ, а схоронила—сохранила, сохранивши же—вновь явила, вновь открываетъ намъ, вновь ставитъ „предъ нашими изумленными, почти недовѣрчивыми, глазами“³¹. Герои древнѣйшіе, предъ которыми гомеровскіе кажутся чуть ни вдвое ближе къ намъ,—и тѣ оживаютъ,—покуда, правда, одѣваясь очертаніями смутными. Какъ губка, по слову Эсхила, стираетъ письмена, такъ высшія силы стираютъ зиждительство смертныхъ. Стираютъ, но не безслѣдно. Поверхъ блѣдныхъ, еле видныхъ слѣдовъ пишутъ дѣяніями свои лѣтописи инья поколѣнія. Но приходитъ время,—и древніе палимпсесты человѣческаго зиждительства возстановляются, и вновь читаемъ мы

„дѣла давво минувшихъ дней,
преданія старины глубокой“.

Ничто не проходитъ безслѣдно, ничто не уничтожается; нѣтъ тайны, которая не была бы открыта.

А вслѣдъ за гомеровскою и до-или, скорѣе, под-гомеровскою Элладою открываются „неизмѣримыя, но еще болѣе темныя перспективы безчисленныхъ этнографическихъ вліяній“³². Таинственный, много-значительный **Критъ**,—эта „страна несконныхъ человѣческихъ жертвоприношеній и экста-

тическихъ плясокъ“³³, страна двойнаго топора и кровавыхъ литургій, эта колыбель греческой культуры и множества греческихъ культовъ³⁴—, странно совпадаетъ во множествѣ меткихъ чертъ своей культуры не только съ Египтомъ, Эламомъ и Ассиро-Вавилоніей³⁵, но также,—что весьма удивительно—, съ американскими племенами,—мексиканцевъ и майевъ³⁶.

Тутъ начинается вновь виднѣться какая-то забытая правда въ сѣдыхъ преданіяхъ египетскихъ жрецовъ, повѣданныхъ ими еще Солону и, кажется, даже Платону³⁷,— преданій о существованіи въ древнія времена обширнаго, превосходившаго Азію и Ливію (т. е. Африку) вмѣстѣ взятыя материка „за устьемъ Геркулесовыхъ Столбовъ“, т. е. на Атлантическомъ океанѣ (?). По рассказамъ египетскихъ жрецовъ, сохраненнымъ Платономъ въ діалогахъ „Тимей“ и „Критій“, этотъ материкъ, эта Атлантида, былъ населенъ племенемъ счастливыхъ, могучихъ и высоко-культурныхъ атлантовъ, объединенныхъ въ сильную державу и подчинившихъ себѣ даже Египетъ и Этрурію; одни только аеиняне или, скорѣе, пра-аеиняне, предки тѣхъ аеинянъ, которые жили при Солонѣ, сумѣли дать отпоръ міро-державному племени. Но, упоенные собственною мощью, атланты развратились душою и вызвали на себя гнѣвъ боговъ. За надменіе и бого-борство своихъ насельниковъ Атлантида погибла въ одинъ день и одну ночь отъ труса и потопа, поглощенная безднами морскими³⁸.

Что же думать объ этомъ материкѣ, о катаклизмѣ, погубившемъ его, и о катастрофѣ, постигшей атлантовъ?—Въ то время какъ одни, напримѣръ Гисманъ, выражали мнѣніе, что вся исторія объ Атлантидѣ—сплошной вымыселъ,—не болѣе, какъ право-учительная басня („не надмѣвайтесь, а то и вы погибнете“; „древніе аеиняне были мужественны,—пусть же ихъ потомки стыдятся быть ниже предковъ“ и т. п.), другіе, напротивъ, считали возможнымъ опредѣлять даже эпоху геологическаго переворота, погубившаго державу атлантовъ; таковыми были, напримѣръ, геологи Латрель, Бори-сен-Венсанъ, Турнефоръ. — Расхожденіе мнѣній, какъ видите, не мало! Цѣлая литература выросла около вопроса объ Атлантидѣ, но дѣло все стоитъ, безнадежно-темное. Хотя молва о затопленномъ материкѣ держалась

упорно и дошла до позднѣйшихъ временъ древности, такъ что рассказъ, приводимый Платономъ, имѣетъ себѣ параллели у другихъ, болѣе позднихъ писателей ³⁹, однако свѣдѣній у насъ пока еще слишкомъ недостаточно. Понятно, что за недостаткомъ окончательныхъ и рѣшающихъ данныхъ прямыхъ, изслѣдователи выдвинули цѣлый рядъ доводовъ косвенныхъ. 1⁰,—Историчность Платоновой саги была доказываема, во первыхъ, **орниологическими** доводами, а именно наблюденіями надъ перелетомъ птицъ,—какъ думалъ А. Н. Карножицкій—, по своей вѣрности старинной привычкѣ все еще залетающихъ къ мѣсту своей древней стоянки Атлантиды (нынѣ—ровной поверхности моря) ⁴⁰. 2⁰,— Во вторыхъ, рядъ **палеонтологическихъ** наблюденій надъ распредѣленіемъ фито- и зоо-географическихъ провинцій тоже доказываетъ, по мнѣнію геологовъ, существованіе обширнаго материка, соединявшаго въ палеозойскую эру Америку съ Европою и просуществовавшаго, по М. Неймайру, до новѣйшаго времени ⁴¹. 3⁰,—Далѣе, **эсотерическія** преданія оккультизма и различныхъ мистическихъ сообществъ (вродѣ современныхъ теософовъ),—преданія, по свидѣтельству самихъ „посвященныхъ“, восходящія ко временамъ найдревнѣйшимъ—, тоже подтверждаютъ повѣсть Платона,—конечно, если только довѣряться „посвященнымъ“—основательно ⁴². 4⁰,—Той же цѣли служить **загадочность нѣкоторыхъ культуръ**, какъ напримѣръ этрусской, критской и др. ^{5⁰},—И, наконецъ, если вѣрить Плонжеону, изслѣдователю памятниковъ майевъ, то нѣтъ ни одного изъ насъ, кто бы сыздѣтства ни зналъ наизусть рассказа о гибели Атлантиды; оказывается, будто имена буквъ греческаго алфавита въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ составляютъ майскую надпись, повѣствующую объ этой величественной катастрофѣ. „Альфа, бѣта, гамма, дельта и т. д.“. въ переводѣ Плонжеона,—ничто иное, какъ „повѣсть временныхъ лѣтъ“,—сказаніе объ этихъ, давно-пронесшихся опустошительныхъ событіяхъ, написанная на языкѣ майевъ ⁴³.

Какъ видите, все это—соображенія черезчуръ хрупкія,—по меньшей мѣрѣ нуждающіяся въ дальнѣйшемъ укрѣпленіи. Можно сказать, что попытки подвинуть впередъ вопросъ объ Атлантидѣ ни къ чему доселѣ не повели. Даже мѣсто-положеніе ея,—по точному, какъ покажется сперва, указанію Пла-

тона („за устьемъ Геркулесовыхъ Столбовъ“, т. е. на Атлантическомъ океанѣ),—опредѣлялось изслѣдователями весьма различно. Такъ, Руббекъ относилъ Атлантиду къ Скандинавіи; другіе, какъ напримѣръ Бирхеродъ, видѣли въ ней Америку, на которую случайно натолкнулись финикійскіе мореплаватели; Норовъ, а за нимъ недавно Карножицкій помѣщаютъ Атлантиду въ сѣверо-восточномъ углу Средиземнаго моря; иные отождествляютъ остатки ея съ Канарскими островами; наконецъ, Балъи искалъ Атлантиды въ Средней Азіи (!) ⁴⁴. Однимъ словомъ,—разбродъ мнѣній полнѣйшій ⁴⁵. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя не вѣрить легендѣ. Легенда не ошибается, какъ ошибаются историки, ибо легенда—это очищенная въ горнилѣ времени ото всего случайнаго, просвѣтленная художественно до идеи, возведенная въ типъ сама дѣйствительность. „Легенда—живое преданіе, почти всегда болѣе истинное, чѣмъ то, что мы называемъ исторіей“,—по слову Августина Тьерри. Легенда—это и есть исторія по преимуществу, ибо „поззія ближе къ философіи и содержательнѣе, нежели исторія“, какъ засвидѣтельствовали и трезвѣйшій изъ философовъ, отецъ современной науки Аристотель: *φιλοσοφώτερον καὶ πλουσιώτερον ποιήσις ἱστορία: ἐστίν* ⁴⁶.

Кажется, близко время, когда какой-то свѣтъ брызнетъ на эту невразумительную страницу легенды объ Атлантидѣ: „съ той минуты, когда глазъ европейца увидѣлъ на стѣнѣ кносскаго дворца изображеніе царя Миноса въ видѣ краснокожаго и въ коронѣ изъ птичьихъ перьевъ, напоминающей головные уборы Сѣверо-Американскихъ индѣйцевъ, первая связь между сокровеннымъ преданіемъ и историческою достоверностью положена, первая осязаемость о существованіи Атлантиды зажата въ нашей рукѣ“ ⁴⁷.

Не мудрено, что глаза всего міра жадно устремлены на Критъ. Не мудренно, что около критскаго вопроса за нѣсколько лѣтъ выросла цѣлая литература. Уже высказываются гаданія, что Критъ—„одна изъ уцѣлѣвшихъ колоній“ погибшей Атлантиды (—однимъ изъ намековъ на что можетъ послужить близкое сходство генеалогіи первыхъ атлантическихъ боговъ-царей ⁴⁸ съ критскою неогонією ⁴⁹,—какъ это видно изъ сообщеній Діодора Сицилійскаго—): уже бодрятъ себя надеждою, что чаемая Атлантида „разрѣшится

многія загадки средиземной культуры, какъ на примѣръ, загадку Крита или этрусковъ“ (Вяч. Ивановъ). Не мудрено, что для одного изъ культурнѣйшихъ русскихъ художниковъ, —Л. Бакста—, гибель Атлантиды сдѣлалась источникомъ вдохновенія въ его картинѣ *Terror Antiquus*, —кажется, самомъ значительномъ, что дала наша историческая живопись послѣднихъ лѣтъ.

Наша ближайшая задача—разсмотрѣть, что же именно найдено на Критѣ и что въ его культурѣ послужило почвою эллинской философіи.

Павелъ Флоренскій.

ПРИМЪЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

¹ Этотъ курсъ въ печати не появлялся.

² Доказательство этого положенія проведено въ уже упомянутомъ „Введеніи“.

³ Ю. Белоухъ,—Исторія Греціи. Переводъ Гершензона. Изд. 2-е. М. 1905. Т. II. Такъ же—и П. Кауэръ, вопреки новѣйшимъ доказательствамъ Фикка, О. Гоффмана и Меррэя (см. ЖМНП, 1910, февраль, Нов. Сер. Ч. XXV, Кр. и библиогр. стр. 386)

⁴ Библиографію по гомеровскому вопросу можно найти: въ статьѣ Ѳ. Мищенко „Гомеръ“ (помѣщенной въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Эфрона, Т. IX, стр. 156-160; въ книгѣ С. С. Глаголева.—„Греческая религія“, Ч. I. Сергіевъ Посадъ, 1901 г., стр. 78-79 (=„Богословскій Вѣстникъ“, 1908 г., апрѣль, стр. 617-618) и въ др. трудахъ.

Въ дополненіе слѣдуетъ еще привести болѣе новыя книги;

Murray,—The rise of the Greek Epic. Oxford, 1907.

Finsler,—Homer. Lpz., 1908.

Christ-Schmidt,—Geschichte d. Griechisch. Liter. München, 1908. 5 te Aufl.

P. Sauer,—Grundfragen der Homerkritik Lpz., 1909. 2-te (N B) Aufl

Книга Кауера (обзоры обоихъ изданій ея С. И. Шестакова см: въ „Филол. Обзор.“, Т. XI, 1896, 2, стр. 3 слѣд. и въ ЖМНП, 1910 г., февраль [Нов. Сер., Ч. XXV]) представляетъ собою сводку новѣйшихъ взглядовъ и „наилучшее общее введеніе къ изученію Гомера“.

Спеціально русская библиографія, съ XVII ст по 1895 годъ находится въ „Систематическомъ указателѣ книгъ и статей по греческой филологіи“, СПб, 1898, составленной П. Прозоровымъ и изданномъ Академіей Наукъ (стр. 33-39).—Слѣдуетъ упомянуть отдѣльно:

Ѳ. Ѳ. Соколовъ,—Гомеровскій вопросъ (ЖМНП, 1868, №№ 11-12).

Джебъ,—Введеніе къ Илиадъ и Одиссея, перев. Семенова. СПб 1892

С. Шестаковъ,—О происхожденіи поэмъ Гомера. ТТ I и II Казань. 1892-1899.

А. и М. Круазе,—Руководство по исторіи греческой литературы. перев. Радцига. Ч. I. М. 1907.

Отважную, но, вопреки рецензенту (Е. Г. Кагаровъ,—въ „Христіанскомъ Читеніи“, 1910 г., мартъ, стр. 413-414), заслуживающую полнаго вниманія попытку рѣшительно стать выше крохо-борства критиковъ-атомистовъ, со всѣми ихъ безконечными разногласіями и пререканіями, и взглянуть на гомеровскія поэмы дѣловитѣе представляетъ глава объ „Эпохѣ Гомера“ въ уже упомянутой книгѣ о греческой религіи С. С. Глаголева (стр. 74-128).

⁵ Вильямъ Джемсъ,—Многообразіе Религіознаго Опыта. Пер. подъ ред. С. В. Лурье. М. 1910.

⁶ Кн. С. Н. Трубецкой,—Этюды по исторіи греческой религіи („Собраніе сочиненій“, Т. II, М. 1908), стр. 419

⁷ id, стр. 422.

³ Ed Meyer,—Geschichte des Alterthums, Stuttgart, 1900, (выходить и болѣе новое изданіе; Bd. I 2, 1909). Вд. II, § 34

Для представленія современныхъ взглядовъ на исторію Греціи смотри еще: Robert Pöhlmann,—Grundriss der Griechische Geschichte nebst Quellenkunde. Dritte vermehrte und verbesserte Auflage. München, 1906.

Georg Busolt,—Griechische Geschichte. Gotha 1893. Bd. I

Р. Випперъ,—Лекціи по исторіи Греціи. Ч. I. М. 1905.

Ad. Holm,—Griechische Geschichte Berlin, 1886. Bd. I

⁹ Вячеславъ Ивановъ,—Спорады, VII. (въ сборникѣ его „По звѣздамъ. Статьи и афоризмы“ СПб. 1909, стр. 370—„Факелы“, II, СПб., 1907).

¹⁰ В. П. Бузескуль,—Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ, 1903. Стр. 471.

¹¹ Вячесл. Ивановъ,—id, стр 370.

¹² Кв. С. Н. Трубецкой,—id, стр. 423

¹³ Вяч Ивановъ,—Эллинская религія страдающаго бога, гл II. („Новый Путь“, 1904 г., февраль, стр 68—69).

Особенно примѣчательна по безысходно-пессимистическому тону бесѣда Ахилла и Приама Homeri Ilias, XXIV 469-670; рус. переводъ: „Илиада Гомера“, переводъ Н. М. Минскаго, М. 1896, стр. 403-413.

¹⁴ Homeri Ilias, I 494-611 (рус. перев. Н. М. Минскаго, стр 13—16); XIV 153-353 (рус. пер. id, стр 228-233); XV 4-46 и далѣе (рус. пер. id., стр. 238-239 и далѣе).

¹⁵ G. Murray,—The rise of the Greek Epic (Harvard lectures). Oxford, 1907 [Происхожденіе греческой эпикѣ] pg. 242 fw. (Ссылка—изъ отчета объ этой книгѣ С. П. Шестакова въ ЖМНП, февраль, 1910 г. [Нов сер. Ч. XXV] „Крит. и библи.“, стр. 405)

¹⁶ Аватоль Франсъ,—Пѣвецъ изъ Кимэ („Разказы“, переводъ А. и Е. Герцыкъ, М. 1906 стр. 173-197).

¹⁷ В. П. Бузескуль,—Характерныя черты научнаго движенія въ области греческой исторіи („Русская Мысль“, 1900 г., февраль, стр 76)

¹⁸ А. Н. Гиляровъ,—Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи. М., 1888

П. И. Новгородцевъ,—Ученіе софистовъ о естественномъ правѣ („Вопросы философіи и психологіи“, 1910 г., кн. 101 (1) янв.-февр.).

¹⁹ А. Н. Гиляровъ,—id.

²⁰ В. П. Бузескуль,—Введеніе, стр 472.

²¹ П. Тавнеръ,—Первые шаги древне-греческой науки. СПб, 1902

²² В. П. Бузескуль,—id, стр. 512 („Характерн. черты“, „Рус М.“ id., стр. 76-77).

²³ Для ознакомленія съ исторіей общаго хода археологическихъ открытій въ этой области см. напримѣръ въ уже упоминавшихся книгѣ и статьѣ В. П. Бузескула; тамъ же перечислена и литература. Изъ болѣе специальныхъ изслѣдованій пока укажемъ:

C Schuchhardt,—Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaka 2-te Auflage Leipzig, 1891. [спеціально объ изслѣдованіяхъ Шлимана, въ связи съ его биографіей; обзоръ всѣхъ его открытій; множество иллюстрацій].

Ronald M. Burrows,—The Discoveries in Crete and their Bearing on the History of Ancient Civilisation London, 1908, Third Impression.

Père M. I. Lagrange,—La Crète ancienne. Paris, 1909.

С. Глаголевъ,—Греческая религія. Ч. I ая, Вѣрованія. Сергіевъ Посадъ, 1909 (=ряду статей въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за: 1908 г., февраль, „Греческая религія“; id., мартъ, „Вѣкъ Миноса“; id., апрѣль, „Эпоха Гомера“; id. май „Гезіодъ“; 1909 г., июнь и июль августъ, „Богословіе орфиковъ“).

Е. Г. Кагаровъ,—Новѣйшія изслѣдованія въ области Крито-Микенской культуры. („Гермесъ“, 1909 г. №№ 17-20 и отдѣльные оттиски: СПб., 1910).

Краткія указанія на само-новѣйшія работы въ этой области читатель можетъ найти въ отчетѣ о „Второмъ международномъ конгрессѣ классической археологіи въ Канрѣ“,—напечатанномъ Б. И. Фармаковскимъ въ ЖМНП, 1910 г. Январь (Нов. Сер., Ч. XXV)

Множество популярныхъ статей на русскомъ и иностранныхъ языкахъ разсѣяно по разнымъ журналамъ, не говоря ужъ о цѣлой литературѣ спеціальнаго характера, часть которой указана въ книгахъ Burrows, Lagrange'a и у Кагарова (N. B.).

²⁴ Кн. С. Н. Трубецкой, id., стр. 455.

²⁵ Л. Ф. Воеводскій,—Введение въ міеологию Одиссеи Одесса, 1882 (Зап. Имп. Новор. Ун., Т. 33) (докторская диссертация).—Вотъ нѣсколько примѣровъ толкованій проф. Воеводскаго: взятіе Агаммемнономъ Трои—это восходъ солнца надъ землею; Одиссей (солнце), побивающій жениховъ (звѣзды) Пенелопы (луна), съ которой оня соединяется, —это солнце въ конъюнкціи съ луною и т. д.

Разборъ этой теоріи сдѣлалъ А. Н. Веселовскимъ („Вѣстникъ Европы“, 1882, № 4).

²⁶ Для болѣе подробнаго ознакомленія съ недавнимъ состояніемъ міеологіи и ея различными школами см., напримѣръ:

Э. Лангъ, Міеологія. М., 1903.

Е. Г. Кагаровъ,—Этюды по исторіи греческой религіи I Современныя направленія въ области сравнительной міеологіи и міеологическія сюжеты Эсхила („Филологич. Записки“, Воронежъ, Годъ 45-й, 1905, Вып. V-VI, стр. 1-16, и отд. оттиски).

Кн. С. Н. Трубецкой, id., стр. 418—455

В. Клиигеръ.—Животное въ античномъ и современномъ суевѣрїи. Введение, гл. I, стр. 1-27. („Университетскія Извѣстія“, Кіевъ, Годъ XLIX, 1909, № 10—октябрь).

²⁷ Гете, „Фаустъ“, Посвященіе — Перев. П. Вейнберга, СПб 1902, стр. 7—8.

²⁸ Англичане пишутъ *Tinyus*, нѣмцы—*Tinyus* и т. д.

²⁹ Максимилианъ Волошинъ,—Арханамъ въ русской живописи („Аполлонъ“, № 1, 1910 г., Октябрь, стр. 44).

³⁰ По переводу Вяч. Иван. Иванова

³¹ Вяч. Иван. Ивановъ,—„Эллинская религія страдающаго бога“ („Новый Путь“, 1904 г., февраль, стр. 53).

³² Вяч. И. Ивановъ,—id., („Новый Путь“, id., стр. 56)

³³ Вяч. И. Ивановъ,—„Религія Діониса“ („Вопросы Жизни“, 1905 г., № 6 июнь, стр. 212).

³⁴ Такое значение Крита,—доказанное нынѣ прямымъ образомъ,—еще до звансовскихъ раскопокъ было указываемо Группе (O. Gruppe,—*Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*, 1906, Bd. I und II, на основаніи произведеннаго имъ анализа преданій, связанныхъ съ основаніемъ греческихъ культовъ).

³⁵ Нѣкоторыя точки сближенія см. напримѣръ у Лагранжа (*La Crète ancienne*), въ послѣдней главѣ, посвященной выясненію „des origines“ критской культуры (особенно см. pp. 87, 111). Эти вопросы обсуждаются, понятно, и въ другихъ трудахъ по критологіи.

³⁶ Названіе нѣсколько русифицировано; болѣе точно это племя называется Майя (Maia), а во множественномъ числѣ—Майябъ (Maiaub). Это—населеніе полуострова Юкатана и нѣкоторыхъ другихъ областей Мексики, Гватемалы, Гондураса и С. Сальвадора.

³⁷ Вяч. Иван. Ивановъ,—Древній Ужась, II („Золотое Руно“, 1909 г., № 4; перепечатано въ сборникѣ статей В. И. Иванова „По звѣздамъ“, стр. 396—397).

³⁸ Платонъ,—Тимей 20D-25D; Критій 108D-121C. Русскій переводъ: въ „Сочиненіяхъ Платона, переведенныхъ съ греческаго и объясненныхъ проф. Карповымъ“, Ч. VI, М 1879, стр. 377—385, 500—519.

Г. В. Малевичаискаго,—„Тимей“, діалогъ Платона „о природѣ вещей“, Предисл. и перев. („Тр. Киев. Д. Ак.“, 1882, №№ 1—5, 7, 9, 10 (въ прил.) и отд., Киевъ 1882).

Г. В. Малевичаискаго,—Критій, діалогъ Платона. Перев. съ примѣч. („Тр. Киев. Д. Ак.“ 1883 № 4 (прим., стр. 1—28).

³⁹ У Діодора Сицилійскаго (не ранѣе 21 го года до Р. X.) (III 54 слѣд.), у Плутарха (время жизни—съ 46-го по 120-ый гг послѣ Р. X.) (Sector., 8), у Амміана Марцеллина (390 г. послѣ Р. X.). (XVII) и у др.

⁴⁰ А. Н. Карножицкій,—Къ вопросу объ Атлантидѣ („Научное Обозрѣніе“, 1897 г., № 2 февраль; цитирую на память).—Въ томъ же журналѣ, за тотъ же годъ см. полемику съ нимъ М. Ю. Гольдштейна.

⁴¹ М. Neumaier,—*Erdgeschichte*. Lpz., 1895, 2-e Aufl.—Рус. переводъ: М. Неймайръ,—Исторія земли. Переводъ со 2-го нѣм. изданія—В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ ред. А. А. Иностранцева. СПб. Т. I, 1897 г., стр. 453; Т. II, 1898 г., стр. 55, 96, 132, 484.

На ту же тему интересныя соображенія и карты можно найти у Зюсса, въ его „*Das Antlitz der Erde*“ (см. прим. 44).

⁴² Оккультныя преданія свидѣтельствуютъ о катастрофической гибели даже двухъ обширныхъ материковъ: Лемуриі—отъ „вулканическаго огня“, и Атлантиды—отъ „волнъ какъ бы громаднаго прилива, затопившаго поверхность земли“ (см. лекцію Эдитъ Уордъ,—*Теософія и современная наука*,—русскій переводъ которой помѣщенъ въ „Вопросахъ Теософіи“, Выпускъ 1-й, СПб. 1907. — Тутъ же, на стр. 125-128 указаны нѣкоторыя любопытныя параллели между оккультными преданіями и данными геологіи).—Насельники послѣдняго изъ нихъ, атланты, принадлежали, по возрѣніямъ теософовъ, къ четвертой человѣческой расѣ (изъ 7-ми), непосредственно предшествовавшей пятой расѣ,—но-

сительницѣ западно-европейской культуры — Мотивъ объ Атлантидѣ — одинъ изъ любимыхъ, даже назойливыхъ, въ оккультной литературѣ, такъ что я затрудняюсь сослаться на то или другое сочиненіе. Читатель можетъ найти разработку этихъ преданій въ сочиненіяхъ Е. П. Блаватской, Рудольфа Штейнера, Теофила Паскаля, Э. Шюрэ, и множества другихъ болѣе и менѣе видныхъ представителей оккультизма; русскій переводъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій помѣщался въ журналахъ „Теософическое Обзорніе“, „Вѣстникъ Теософіи“, „Теософская жизнь“ и т. д., и въ сборникахъ „Вопросы Теософіи“

⁴³ Макс. Волошинъ, — Архаизмъ въ русской живописи („Аполлонъ“, 1910 г., № 1, Октябрь, стр. 48).

⁴⁴ Giessmann, — *Neue Welt und Menschengeschichte*, Bd. I, S. 173-186.

Rudbeck, — *Atlantica*. Upsala 1875-1878, 3 ТТ.

Bircherod, — *De orbe novo non novo*. Altdorf, 1865.

A. Noroff, — *Die Atlantis nach griechischen und arabischen Quellen*. СПб., 1854.

Карножицкий, — *id.* (см. прим. 40)

Bailly, — *Lettres sur l'Atlantide de Platon*. Paris, 1779.

Еще объ Атлантидѣ:

Martin, — *Études sur le Timée de Platon* T. I. Paris 1841

Clarke, — *Examination of the legend of A. London*, 1886

O Heer, — *Urwelt der Schweiz*. Zürich, 1879

Susemihl, — работа въ *Jahrbücher f. Philologie*, Bd 71

Ed. Suess, — *Das Antlitz der Erde*. Wien, 1883-1888.

⁴⁵ Уже въ древности началась разногласица по вопросу объ Атлантидѣ, — измышлеиа ли Атлантида Платономъ, или же была историческою реальностью. — По Проклу (Prokl., in Tim. 24A), первый толкователь Платоновскаго Тимея Кранторъ (*Κράντωρ*) находилъ это сказаніе исторически-достовернымъ, но другіе отвергали и оспаривали его мѣніе. Но ни Страбонъ ни Посидоній не отказывались безусловно вѣрить Платону (Strab. II. t. 102).

⁴⁶ Aristot., *Poetica*, 9 — „Поэзія, — говоритъ Аристотель —, философичѣе и содержательнѣе исторіи Поэзія, вѣдь, имѣетъ дѣло со всеобщимъ, исторія же входитъ въ частности — *Φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαίτερον ποιήσας ἱστορίας ἐστίν. Ἡ μὲν γὰρ ποιήσις μᾶλλον τὰ καθόλου, ἢ δ' ἱστορία τὰ καθ' ἕκαστον λέγει*“. Латинскій переводъ этого мѣсто (Aristotelis de *Poetica liber*, — ex versione Theodori Goulsteni Cantabrigiae, 1796. p. 26) гласитъ: „*Poesis, etiam magis Philosophica, magisque studiosa res est, quam Historia: Nam Poesis, potius, Universalia, Historia Singularia magis dicit*“

⁴⁷ Макс Волошинъ, — *id.*, стр. 45.

Рѣчь идетъ о знаменитой, въ первое время послѣ раскопокъ удивительно яркой по живости красокъ стѣнописи кносскаго дворца, изображающей красно-кожаго, богато-изукрашенаго драгоцѣннымъ металломъ (браслетъ, запястья и т. д.) мужчину, держащаго въ рукахъ огромный кувическій сосудъ. На головѣ этого мужчины — своеобразный вѣнецъ. Но сдѣланъ ли онъ изъ перьевъ — по рисункамъ названной стѣнописи намъ не рѣшить. Замѣтимъ кстати, что одно такое изображеніе стѣнописной фигуры оттиснуто золотомъ на переплетѣ книги Donald M. Burrows'a,

The Discoveries in Crete, London, 1908; другое, въ краскахъ, приложено къ книгѣ Lagrange'a, La Crète ancienne; имѣется и еще изображеніе, въ журналѣ Monthly Review (1901, March, fig 6., p 124), приложенное къ статьѣ Меррѣя.—

Но кто же этотъ „Cupbearer“,—этотъ „Виночерпій“ или „Кравчій“, какъ называютъ его изслѣдователи (Меррѣй, Бональдъ Берроу)?—Мнѣнія расходятся. Однако, съ увѣренностью можно утверждать, что это—лицо высokaго общественнаго положенія, и что, съ другой стороны, „кубокъ“ въ его рукахъ—не просто винная чаша, а сосудъ священный, литургическій. Принимая же во вниманіе весьма правдоподобное (объ этомъ—въ слѣдующей лекціи) предположеніе о еократическомъ устройствѣ критской державы, можно не безъ основанія остановиться на мысли, что кноская фреска представляетъ именно такого царя-первосвященника,—б. м, самого Миноса или мивоса (о смыслѣ этого имени—въ слѣдующей лекціи), творящимъ какой-то священный обрядъ.

⁴⁸ Diod Sic. III 56-57

⁴⁹ Diod. Sic. V 56

II. Ф.